

—Дружище, ну как, голова еще болит? — засыпал он вопросами, подходя ближе и легко касаясь лба Е Чжицю. — Все эти идиоты виноваты, в обед как с цепи сорвались, все тебя поили.

— Может, я сначала отвезу тебя домой? — Ли Шаоцзюнь тоже подошел. — Я же говорил, что ты много пьешь, а ты не слушал. Ну, у всех бывают особые обстоятельства, если перебрал, то в следующий раз соберемся, мы же столько лет дружим...

Он повернулся к Тан Лэ с вопросом:

— Правда ведь, Лэлэ?

— Я того же мнения, — Тан Лэ с улыбкой кивнул. — Может, мне сходить за теплой водой? Перед уходом можно немного попить.

С этими словами он встал и направился к барной стойке.

— Тогда мы поьем горячей воды... — Ли Шаоцзюнь вдруг осекся на полуслове, он запаниковал, в его голосе слышалась растерянность. — Что такое, что такое? Это все еще наш господин Цю? Почему глаза покраснели?

Е Чжицю был упрямым, любил «сохранять лицо», всегда не признавал поражений и не любил идти на компромиссы. С самого детства это был первый раз, когда Ли Шаоцзюнь видел его с покрасневшими глазами, и он на мгновение растерялся.

Но Е Чжицю не мог вымолвить ни слова.

Потому что в этот момент он отчетливо ощутил мягкое тепло ладони Цзинь Баобао и почувствовал запах детского крема, исходящий от него.

У Цзинь Баобао была чувствительная кожа, поэтому с детства он пользовался детским кремом. Хотя запах был сладковатым, он был очень приятным.

Кроме того, он ощущал свежий, как морская соль, аромат духов Ли Шаоцзюнь, который, даже смешанный с запахом алкоголя, все равно был приятен.

Ли Шаоцзюнь был франтом, любил наряжаться, даже духи заказывал у парфюмера по индивидуальному рецепту, Е Чжицю никогда бы не перепутал этот запах.

Если бы это были всего лишь посмертные галлюцинации, они не должны быть такими четкими и реалистичными.

Хотя Е Чжицю не мог видеть себя, он отчетливо видел Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь — они оба выглядели так же, как в юности.

Такие живые, такие яркие...

Как будто он действительно вернулся в девятнадцать лет, в ту ночь, когда его судьба круто изменилась.

Эта мысль заставила Е Чжицю невольно замереть, а затем его сердце бешено заколотилось.

Неосознанно он тихонько сжал руки в кулаки, и недлинные ногти впились в мягкую кожу ладоней, вызывая невероятно отчетливую боль.

Е Чжицю хорошо помнил, что на праздновании победы его изрядно напоили эти ребята, богатое второе поколение, поэтому, придя в клуб, он вскоре заснул в углу.

А сейчас все выглядело так, будто он только что проснулся после того короткого сна, будто все, что он пережил потом, никогда не случилось... Он просто немного поспал, а проснувшись, все еще был молод, полон сил и энергии, и все те обиды и страдания были всего лишь коротким сном.

Видя, что он молча застыл, теперь не только Ли Шаоцзюнь, но и Цзинь Баобао запаниковали:

— Что случилось, Сяо Цю? Не пугай меня.

Ли Шаоцзюнь подошел еще ближе:

— Мы все здесь.

Е Чжицю плотно сжал губы и лишь спустя долгое время с трудом заговорил.

— Ничего, — его голос был слегка хриплым. — Какое сегодня число?

Хотя он уже догадался о сегодняшней дате, он все же не мог удержаться от того, чтобы не переспросить.

— Сегодня 7 ноября, как раз начало зимы, день твоего празднования победы, — услышав это, Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь невольно переглянулись и еще больше забеспокоились. — Сяо Цю...

Как Е Чжицю мог забыть такой важный день?

— Утром действительно перебрал, — видя, как они осторожничают и беспокоятся, он вдруг улыбнулся.

— Ах, боже мой, ты меня до смерти напугал, знаешь ли, — Цзинь Баобао и правда ничего не заподозрил, он выпрямился и с облегчением похлопал себя по груди. — Я же говорил.

— Пошли-пошли, домой, — Ли Шаоцзюнь даже не стал ждать горячей воды от Тан Лэ, наклонился и хотел помочь Е Чжицю встать.

Е Чжицю поднял руку, останавливая его, и удобно откинулся на спинку дивана.

— Посидим еще немного, — сказал он. — Разве мы не договаривались сегодня всем вместе выпить?

— Шаоцзюнь, — он поднял глаза на Ли Шаоцзюнь, — закажи лучшего вина, сегодня я угощаю, будем пить до упаду.

— Да ладно тебе, — Ли Шаоцзюнь закатил глаза. — Думаешь, ты сейчас в трезвом уме?

Цзинь Баобао тоже не очень одобрил:

— Ты вообще в порядке? Не надо себя насиловать.

— Мне всего девятнадцать, почему бы мне быть не в порядке? — Е Чжицю с улыбкой посмотрел на них и, как обычно, легонько пнул Ли Шаоцзюня по ноге, подгоняя его. — Быстро иди.

За этот короткий промежуток времени Е Чжицю уже убедился всеми возможными способами: он переродился.

Переродился в тот самый день, когда его судьба круто изменилась.

Он не уходил, потому что знал, что Тан Лэ пошел не за горячей водой для него, а за Ци Синем.

Тан Лэ на самом деле все время наблюдал за ним, даже когда он спал. Именно поэтому, когда он впервые открыл глаза, их взгляды так удачно встретились.

А то, что Ли Шаоцзюнь и Цзинь Баобао заговорили о Тао Жоцин, было полностью следствием умелого и намеренного наведения Тан Лэ. Поэтому в прошлый раз он прогнал Ли Шаоцзюня, дав Ци Синю шанс воспользоваться ситуацией.

В противном случае, зная характер друга, стоило ему проявить хоть малейшее нетерпение, у

Ци Синя не было бы ни единого шанса распусть перед ним хвост.

Ци Синь был приглашен Тао Жоцин на его празднование победы.

У него была неплохая, можно сказать, красивая внешность, но, к сожалению, на праздновании победы было слишком много талантливой молодежи, и он не особо выделялся среди них.

Празднование победы началось в полдень и продолжалось до четырех часов дня, Е Чжицю всего лишь дважды взглянул на него.

Первый раз — когда Тао Жоцин представила ему Ци Синя, второй — когда Ци Синь подошел к нему, чтобы поднять тост и поздравить.

К концу празднования победы Е Чжицю уже совершенно забыл об этом человеке.

Но в тот же вечер, вскоре после того, как он выгнал Ли Шаоцзюня, Ци Синь вдруг появился с букетом ярко-красных роз и на глазах у всех признался ему в любви.

Вокруг Е Чжицю всегда было много поклонников.

Такие сцены, как с Ци Синем, он видел слишком много раз, чтобы принимать их всерьез.

Но Ци Синь словно прекрасно его понимал. В тот вечер он точно попал в слабое место пьяного Е Чжицю.

То, что раньше казалось предопределённым небесами браком, теперь представлялось лишь долгосрочным, тщательно продуманным заговором и расчётом.

А Тан Лэ был одним из звеньев в этой цепи.

Тан Лэ был человеком Тао Жоцин. Е Чжицю понял это лишь спустя много лет.

И позже, когда он сам уже не мог подняться, но Тан Лэ, благодаря поддержке Е Чжися, был введён в мир шоу-бизнеса и стал известным стилистом, Е Чжицю окончательно подтвердил свои догадки.

Именно тогда он узнал, что последующая ссора Цзинь Баобао с Тан Лэ были из-за него. После той бурной ссоры Цзинь Баобао попал в автомобильную аварию и в итоге потерял ногу.

Всё это было из-за него.

На углу стола лежала пачка сигарет. Е Чжицю опустил глаза и небрежно вытащил одну. Он не стал её зажигать, а просто машинально зажал между длинными пальцами.

Тан Лэ же пошёл звать Ци Синя, верно?

Тогда он будет ждать.

Ждать, чтобы вернуть Ци Синю все те несчастья и унижения, что тот причинил ему...

Сполна.

<http://bllate.org/book/14243/1257998>